

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

МАРИЯ
КОРЕЛЛИ

Молодость Дианы
Эксперимент будущего

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К66

Marie Corelli
THE YOUNG DIANA. AN EXPERIMENT OF THE FUTURE
1918

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Сергея Рюмина*
Литературный редактор *Олеся Царёва*
Художественное оформление серии *Натальи Ярусовой*

Корелли, Мария.
К66 Молодость Дианы. Эксперимент будущего / Мария Корелли ; [перевод с английского С. Рюмина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

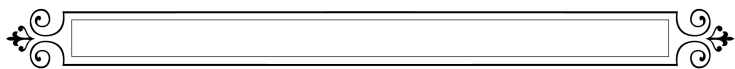
ISBN 978-5-04-242445-8

Незамужняя Диана Мэй, перешагнувшая сорокалетний рубеж, ощущает себя тяжкой обузой для богатых равнодушных родителей и изгоем в обществе, где правят молодость и красота. Инсценировав собственное утопление, она откликается на загадочное объявление швейцарского учёного, обещающее рискованный эксперимент по омоложению. Эксперимент удаётся, Диана преобразается в ослепительную юную красавицу, пленяет сердца, но у чуда есть цена, которую придётся заплатить.

«Молодость Дианы. Эксперимент будущего» — это мистический роман, пронизанный сатирой на светские нравы начала XX века с элементами научной фантастики.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Рюмин С., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-242445-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА I

В прежние далекие времена, не столь переполненные литературными потугами, автор имел обыкновение обращаться к своей аудитории как к «благодарному читателю». Эта вежливая фраза содержала в себе приличную дозу лести. Она подразумевала три вещи: во-первых, если окажется, что читатель не благодарен, автор, возможно, сумеет пробудить в нем или в ней благодарность своей учтивостью; во-вторых, надежду на то, что читатель не станет хвалить или ругать книгу, пока не дочитает ее до конца; в-третьих, что читатель не оскорбится и поймет: автор всего лишь желает подстелить соломки, чтобы его лучше поняли. Я полностью солидарна с моими предшественниками относительно всех тонких аспектов взаимопонимания и, решив рассказать историю, которую любой человек даже среднего ума сочтет невероятной, начну, пожалуй, в той же вежливой, старомодной, «импозантной», отчасти извиняющейся, а отчасти примирительной манере. Итак: «Благодарный читатель, прошу вас быть моим другом!» Не теряйте терпение и не выходите из себя, читая о странных приключениях очень странной женщины. Дабы предупредить разочарование от поисков того, чего в этой книге нет, заранее скажу, что она не о половых проблемах. Нет-нет! Моя героиня

вовсе не сбилась с пути благопристойности и порядочности и не кончила плохо. По сути, я вообще не могу сказать, что ее история достигла конца, потому что она до сих пор вполне жива, здорова и преуспевает в жизни. Любое окончание для Дианы Мэй не только неуместно, но попросту невозможно.

Жизнь, как всем нам известно, — любопытная штука. Она напоминает театральную маску о двух лицах: с одной стороны комедия, с другой — драма. То, как мы к ней относимся, зависит от того, как она относится к нам. Некоторые из нас видели оба ее лица и не нашли в них ни поддержки, ни вдохновения.

С другой стороны, жизнь — это черед «чувственного опыта». Мы, живущие сегодня, постоянно пишем о жизни. Те, кто жили до нас, делали то же самое. Похоже, никто так и не нашел и не в состоянии найти лучшего занятия. Многие века миллионы некогда живших и давно умерших людей проводили свое время на планете, набираясь чувственного опыта и рассказывая о своих впечатлениях друг другу, каждый — свою «повесть, которой нет печальней». И они, и мы настолько жаждем по-своему, неповторимо передать то, как фибры нашего ума и тела реагируют на конкретные обстоятельства, в которых мы оказались, что все системы религии, государственного управления, науки, искусства и философии вырастали и вырастают исключительно и однозначно на почве мучений и удовольствий, испытываемых скоплениями атомов, которые якобы что-то «чувствуют» и пытаются рассказать об этих чувствах друг другу. Этим чувствам люди дают громкие названия: вера, логика, смысл, мнение, мудрость и так далее. На этом фундаменте они возводят недолговечное здание Закона и Порядка, очень солидное на вид, но шаткое, словно картонный домик, и раз-

валивающееся от одного прикосновения, стоит только возникнуть какой-нибудь внезапной неприятной помехе их рассуждениям и планам: черной полосе, росткам хаоса, большой войне, эпидемии или иной непрошенной «Божьей каре». В такой момент «чувства» почти исчезают, или люди просто боятся о них говорить. Они ежатся, погружаются в нервное молчание и ждут, снедаемые страхом и унынием, когда разойдутся тучи и закончится ненастье. И тогда вновь начинается непрерывный бубнеж о «чувствах» под аккомпанемент басов и дискантов жалоб и восторгов — монотонный шум, лишенный всякой гармонии. Внешняя природа в этом не участвует, поскольку человек — единственное живое существо, пытающееся объяснить феномен своего существования. Совершенно непонятно, почему он один так мучается и терзается и почему следует позволять ему непрерывно копаться в своих эмоциях, ибо, несмотря на прогресс образования, мы никогда не станем образованными настолько, чтобы избавиться от чувства собственной значимости. Что само по себе странный факт, заставляющий многие светлые умы задавать вопросы.

Моя героиня, Диана Мэй, тоже задавала вопросы. Она задавала их постоянно, проводя в состоянии хронического недоумения недели, месяцы и годы. Ее волновали вопросы о себе и других людях, потому что и другие, и она сама выглядели в ее глазах нелепо. Диана не находила себе места в общем деле и пыталась с терпеливым смирением оправдывать свое существование. Хотя она читала книги о науке, психологии, естественных и духовных законах и проникала в сложные проблемы эволюции и естественного отбора до такой степени, что ее подслеповатые глаза еще больше слепли, а складки от носа до подбородка становились еще длиннее и глубже, она не могла выбраться

из вязкого болота своих затруднений. Диана была лишним элементом множества и не понимала, почему появилась в этом месте и как из него выбраться.

Ее отец и мать слыли обеспеченными людьми, пользовавшимися уважением в своем пригороде и регулярно посещавшими церковь. Мистер Джеймс Полидор Мэй — таково его полное имя, выгравированное на визитной карточке, — имел малый рост, но по уровню самодовольства был выше всех живых. Он сколотил приличное состояние на производстве чего-то, о чем здесь неинтересно говорить, и спекулировал на бирже с ловкостью и осторожностью, граничащими с гениальностью, в результате чего всегда выигрывал, ничего не теряя. Теперь, в возрасте шестидесяти лет, он был свободен от финансовых забот и мог бренчать в карманах брюк золотыми и серебряными монетами, упиваясь их нежным звоном. Этот звук был похож на милый сердцу звон церковных колоколов, говорящий о приближении к богатому городу. Мистер Джеймс Полидор Мэй, бравый, выдавший виды коротышка, был, как сам любил напоминать, «широк в груди», ноги его были хоть и короткие, зато не кривы. Из-за склонности к полноте две нижние пуговицы на жилете обычно бывали расстегнуты, чтобы дать простор животу после обильной трапезы. Физиономия отражала не столько глубокий ум, сколько задиристость — кустистые брови, волосы и усы временами делали его похожим на сердитого старого терьера. Маленькие острые глазки лепились к спинке выдающегося «еврейского» носа. Эти черты дополняла напористая манера поведения, опережавшая его самого, словно грозовое облако, предвещающее появление «важной персоны», но неизбежно сопровождающее ничтожество. Восхищение отца Дианы противоположным полом было явным и не всегда ненавязчивым, он с младых лет

был уверен в своей способности покорить любую женщину. Представляясь, он разыгрывал учтивый «гамбит» — в высшей степени коварный трюк, призванный скрыть уродливую сторону его натуры. Его жена могла бы рассказать много историй о таких «гамбитах» мужа, если бы давным-давно не оставила все попытки сохранить остатки индивидуальности. Она вышла за него замуж от небольшого ума, что, конечно, встречается на каждом шагу, но с добродушием и энтузиазмом намеревалась вести семейную жизнь наилучшим образом. Разумеется, иллюзии молодости развеялись с первыми же годами супружества (как это обычно бывает), и мать Дианы, поняв, что ей ничего не светит, погрузилась в дряблое состояние смирившегося с судьбой ничтожества. Домашнюю скуку нарушило рождение единственного ребенка — Дианы. Пока девочка была мала и по заведенному обычаю проходила обучение в школах и у гувернанток, она оставалась предметом восторгов, нежности, забав и интереса, а когда выросла и в возрасте восемнадцати лет «вышла в свет» стройной, симпатичной девушкой, наделенной свежей, типично английской красотой, у ее матери на время появилась причина жить и любить, но — увы! — Диана принесла ей горчайшее разочарование. «Выход в свет», балы, встречи на скачках — все эти материнские ловушки для женихов — давали осечку. Уроки, музыка, танцы, туалеты — ничто не срабатывало. Диана так и не вышла замуж. Правда, она однажды влюбилась, как влюбляются все девушки, еще не знакомые с повадками мужчин. Она обручилась с «подающим надежды» офицером и хранила ему романтическую преданность в духе старомодных поэм Чосера, с настораживающим упорством прождав жениха целых семь лет. А когда поданные надежды, наконец, реализовались, офицер вдруг бросил Диану ради более красивой и юной

кандидатки. К этому времени Диана уже вступила, что называется, в «зрелые годы». Все эти события сильно испортили настроение миссис Мэй, и она нашла прибежище от многочисленных огорчений в гастрономических усадках и успокоительном сне. Результатом такого образа жизни стали тучность и неповоротливость. Ее прежнее «я» утонуло в перине жировых складок, из которой оно смотрело на мир выпуклыми, матовыми глазками, и только кончик носа, казалось, вяло протестовал против несправедливости своего местоположения между двумя массивными, дряблыми щеками, среди которых терялись его отнюдь не классические, откровенно невыгодные пропорции. Излишки сна и пищи превратили мать Дианы в глупую и несколько упрямую женщину, привыкшую безо всякой связи, не задумываясь, говорить добрые или злые вещи: она фонтанировала любезностями в адрес любого человека, даже горничной, завязывавшей шнурки на ее туфлях, словно ее связывала с ними многолетняя дружба, но издевалась над гостями, стоило им отвернуться, и злобно высмеивала физические или умственные недостатки любого мужчины и любой женщины, кому подобострастно льстила всего пять минут назад. Ее нельзя было назвать «надежной» знакомой, потому что никто не мог знать, чего ожидать от нее в следующую минуту. Но как часто бывает с кисло улыбающимися, тучными дамами, все, словно сговорившись, называли ее «милой», «дорогой» и «доброй», хотя в действительности она была одной из самых эгоистичных натур на свете. Ее щедрость всегда бывала тщательно продумана и направлена на те области, где она могла принести максимальную выгоду. Обильные излияния сочувствия к чужим бедам быстро иссякали, и миссис Мэй мгновенно забывала, каким потерям или неудачам только что соболезновала. Несмотря на то, что все называ-

ли ее «дорогой» и «милой», она имела обыкновение дуться целыми днями, ни с кем не разговаривая и никому не позволяя разговаривать с собой. Ее основные интересы и внимание были сосредоточены на еде, и она всегда спешила первой выйти к завтраку, чтобы выбрать самые лакомые кусочки из порции жареного бекона еще до того, как муж успеет его хотя бы понюхать. Муж и жена вечно спорили и обвиняли друг друга в неправоте. Миссис Мэй считала свою худшую половину чем-то вроде своенравного, вечно недовольного ребенка. Он же относился к жене как к полезной «домашней» женщине — совершенно простой и естественной, как он часто говорил. Если бы это было правдой, то представляло бы собой большое удобство, позволяющее обманывать ее с еще большей легкостью. Однако «простота» миссис Мэй и «естественность», с какой она обеспечивала себе уют, удобство и легкость жизни, залегали «глубже, чем измерить можно лотом»¹, при этом она считала себя самой бескорыстной и бесхитростной из женщин. Временами она даже сама удивлялась своей способности, по ее выражению, умно все обставить. Когда женщина такого типа заявляет, что умно все обставила, можно не сомневаться — ни один адвокат на свете не превзойдет ее по части лицемерия.

Таков краткий портрет супружеской пары, которая, забывшись, взяла на себя ответственность за то, чтобы произвести на свет женщину, совершенно этому свету не нужную. Женщина в абстрактном смысле является лишь выючным мулом мужчины — его собственностью, его имуществом, созданным специально для того, чтобы слу-

¹ Отсылка к словам Просперо в пьесе «Гроза» Уильяма Шекспира (пер. с англ. Т.Л. Щепкиной-Куперник. *(Здесь и далее — прим. пер.)*)

жить «сосудом» для его страсти и настроения. Без благосклонности и поддержки мужчины женщина, по общему мнению, считается одиноким, неприкаянным недоразумением. Вот вам и закон, и пророки¹. Диана, быстро стареющая безмужняя дочь мистера и миссис Мэй, в силу обстоятельств попала в жалкое положение. Ни один мужчина не желал брать ее даже на роль вьючного мула. Ни один мужчина не желал сделать ее своей собственностью и имуществом, и к моменту начала этой правдивой истории она больше не была настолько красива, обворожительна или молода, чтобы служить мужчине игрушкой для удовольствий или предметом для развлечений. Перевалив через рубеж тридцатилетия, жизнь Дианы шла очень однообразно. «Милые» люди, всегда говорящие гадкие вещи, замечали, насколько она стала *passée*², тем самым значительно ускоряя процесс ее старения. Диана тем временем влачила свою участь с примерным жизнелюбием. Она никогда не хныкала, не жаловалась и не завидовала молодости и пригожести молодых людей. Ее разумом завладела убаюкивающая мысль о «долге», и она посвятила себя нежной заботе о толстой матери и вспыльчивом отце, рабски им прислуживая день и ночь, по-детски молясь за них, совершенно не подозревая, что о ее родителях уже поздно молиться.

Шли годы. Диана старалась научиться всему, что могло пригодиться, она много читала и еще больше размышляла, освоила два-три иностранных языка и говорила на них легко и бегло, прекрасно музицировала. У нее были красивые, пышные светло-каштановые волосы, движе-

¹ Аллюзия на Евангелие от Матфея, 7:12: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки».

² Здесь: увядшей (*фр.*).

ния оставались грациозными, но — увы! — на некогда подвижные черты уже легла печать несомненного старения, она стала угловатой и плоскогрудой, от талии до колен пролегла неаппетитная прямая линия, делавшая фигуру Дианы до обидного похожей на мужскую, и все это нарастало с жестокой, костлявой неумолимостью. Одной из ее прелестей, которую она сознавала и старалась развивать, был «негромкий, сладкий голос — прекрасная черта для женщины». Если кто-нибудь слышал этот голос в соседней комнате, то поражался — человеку казалось, что некое редкостное существо, вечно молодое и нежное, выражало голосом музыку небесных сфер.

Мистер Джеймс Полидор Мэй, как я уже заметила, был безукоризненно респектабелен. Он выполнял обязанности мирового судьи, а это — по крайней мере, в английских пригородах — считается признаком безупречной добродетельности. Еще одним свидетельством его солидной репутации и праведности было то, что в определенное время года он всегда стремился сменить обстановку. Нам всем известно, что человек, весь год проводящий в одном месте, выходит за рамки приличий и рискует быть отторгнутым высшим обществом. У мистера Мэя имелся красивый дом с участком земли поблизости от Ричмонда на небольшом расстоянии от Лондона, но как только лондонский «сезон» заканчивался, мистер и миссис Мэй неизменно начинали чувствовать, что им «душно» в своем доме, и рвались в места, позволявшие дышать всей грудью более чистым воздухом, чем тот, который мог предоставить Ричмонд. Они нередко ездили на охоту и рыбалку в Шотландию, но это делалось еще до того, как угасли надежды на вступление их дочери в брак, когда еще можно было пригласить потенциального жениха не только проявить себя с ружьем или удочкой, но и для того, чтобы показать ему

«нашу овечку», которую им не терпелось сбавить тому, кто назовет лучшую цену. Этим прекраснотушным мечтам пришел конец. Больше не было смысла раскладывать дорогие виски и сигары, чтобы подбодрять на более решительные действия робких или колеблющихся Бенедиктов¹, когда те возвращались с «болот» уставшие, сонные и достаточно поглупевшие, чтобы нечаянно сделать предложение руки и сердца. Мистер Мэй теперь редко приглашал к себе молодых людей — по той простой причине, что больше не мог их найти. Молодые люди считали его занудой, его жену — тупицей, а дочь — старой девой. Золотая молодежь наших дней до сих пор пользуется этим пренебрежительным прозвищем, хотя существует более современный и приличный термин — «холостячка». Поэтому мистер Мэй проглотил свои амбиции и довольствовался компанией трех дородных мужчин своего возраста и наклонностей, они играли в гольф и на бильярде, а когда нечего было делать, непрерывно курили. Берег моря идеально подходил в качестве места для «смены декораций», где можно было поправить здоровье, не слишком при этом тратясь. Вместо того чтобы «гонять оленя и пугать козу»², мистер Мэй находил удовлетворение в шезлонге на пляже и походах на близлежащее поле для гольфа. Нельзя сказать, что мистер Мэй был скуп. Он не снимал дачи или дешевые номера — наоборот, всегда был годов «делать дело красиво» и выбирал дома, какие агенты по недвижимости называют «идеальными».

В то время, о каком здесь идет речь, мистер Мэй поселился на лето в таком «идеальном» поместье на побе-

¹ Молодой принц, один из героев пьесы Уильяма Шекспира «Много шума из ничего».

² Аллюзия на стихотворение Роберта Бернса «В горах мое сердце» (*пер. с англ. С. Маршака*).

режье графства Девон. Особняк раньше принадлежал художнику, художник недавно умер, и его вдова решила, что дом нагоняет на нее тоску. Она была рада сдать его на два-три месяца, чтобы «развяться», проявив неугодную прыть, характерную для многих людей, предпочитающих ехать куда глаза глядят, лишь бы не оставаться дома. Мистер Мэй с супругой, для виду поворчав, что после Лондона новое место «слишком уж спокойно», были тем не менее рады — за скромную арендную плату им удалось урвать воистину очаровательный уголок. Сад был тщательно спланирован и ухожен. Гладкий бархатный газон спускался почти до самого моря, где границу зеленой травы и золотистого песка сторожила белая калитка. Комнаты были со вкусом обставлены. Диана, впервые увидев это место, когда, по своему обыкновению, приехала за несколько дней до родителей, чтобы навести для них уют в жилище, вообразила, каким счастьем было бы иметь такой дом и сад для себя одной. В течение недели до приезда уважаемых родителей в перерывах между распаковкой вещей и организацией дел с тем, чтобы прислуга могла без помех и заминок выполнять свои обязанности, Диана гуляла в одиночестве, исследуя местные красоты. Вид ее худой фигуры в саду среди цветов, обращенной к морскому горизонту нежно-серого, как голубиное крыло, цвета, вызывал странное ощущение печали и покинутости. Слуги, глядя на нее из окон кухни и кладовой, выносили свои собственные суждения.

— Бедняжка! — задумчиво сказала повариха. — Как она исхудала!

— Ах, ей ничего не светит! — вздохнула старшая горничная, обрученная с колбасником с такой багровой розей, что любая уважающая себя молодая женщина скорее умерла бы, чем вышла за него замуж. — Останется